

**РУССКО-ТУНГУССКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НА ЛЕНСКОМ ВОЛОКЕ
И ПРИЛЕГАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИИ В 30-Е ГОДЫ XVII ВЕКА
(ДО ОБРАЗОВАНИЯ ЯКУТСКОГО УЕЗДА)**

Более тридцати лет назад выдающийся историк-тунгусовед Н. Н. Степанов сетовал, что «...слабо изучено влияние русской колонизации на тунгусские племена в XVII в.» [12. С. 106]. За прошедшее время ситуация мало изменилась. Подобным же образом обстоят дела с изучением истории взаимоотношений русских служилых, торговых и промышленных людей с тунгусами. Исследователи больше обращали внимание на изучение первых сведений о тунгусах, их социальных отношений и хозяйственно-культурного типа [7; 12; 13], в то время как факты, обстоятельства русско-тунгусских взаимоотношений приводились историками вскользь или, в лучшем случае, рассматривались как некоторый дополнительный материал при изучении других проблем [1; 7; 10; 11; 13 и др.].

Что касается исследования русско-тунгусских взаимоотношений на Ленском волоке и примыкавшей к нему территории по Лене и ее притокам, то эта проблема в научной литературе освещена фрагментарно, как правило, в качестве изучения некоего предварительного этапа проникновения русских в бассейн Лены до образования Якутского уезда [8].

Между тем рассматриваемая в настоящей работе территория имела свою специфику: она действительно долгое время существовала как транзитная – до приезда в Якутск первых воевод стольников П. П. Головина и М. Б. Глебова ясак с нее собирали енисейские служилые люди (отряды которых насчитывали от 30 до 70 человек), отправляемые на службу в Якутский острог. Но ясачные сборщики, останавливаясь в Илимском остроге на зимовку до начала следующей навигации, отправлялись для сбора пушнины с тунгусов не только по притокам Илима, но и вверх и вниз по Лене, привозя «мягкую рухлядь» к месту временной дис-

локации своего отряда, откуда она уже переправлялась в Енисейск. В некоторых случаях ушедшие далеко вниз по Лене служилые люди предпочитали дожидаться подхода основного отряда, при этом они собирали ясак только с тунгусов, не заходя в районы проживания якутов. Далее, вниз по Лене, с районов проживания якутов ясак собирали служилые люди, отправляемые для этой цели уже непосредственно из Якутского острога. В силу этого, достаточно четко можно разделить территорию по течению Лены на тяготеющую в административном отношении к Ленскому волоку и к Якутскому острогу. При этом к волоку тяготели весь бассейн Илима и Лена с притоками от верхнего течения до устья Олекмы. Позднее, когда Илимский уезд выделился в самостоятельную административную единицу, к нему отошла только небольшая часть ранее подконтрольной области бассейна Лены. Еще раз отметим, что подобный порядок сохранялся со времени проникновения русских людей на эту территорию до 1640 г., когда на зимовку на Ленском волоке остановился отряд первых якутских воевод численностью около 400 человек [3–5].

Сложившаяся в обозначенном районе ситуация была далеко не простой для енисейской администрации и посещавших его русских служилых, торговых и промышленных людей. Челобитные последних свидетельствуют, что тунгусы постоянно нападали на ясачных сборщиков и ватаги промысловиков. Причем количество русских людей, убитых тунгусами, было достаточно большим. К концу 30-х гг. XVII в. оно стало сокращаться, но тунгусы продолжали грабить торговых и промышленных людей, выгоняя их с мест промыслов пушного зверя. Сбор ясака на обширной территории при небольшой численности служилых людей был де-

лом весьма рискованным: как сообщают источники, на Илеме и на Лене с ее притоками к 1640 г. ситуация сохранялась достаточно напряженной – тунгусы регулярно убивали промышленных людей, охотившихся в тайге.

Мы не можем утверждать, что енисейская воеводская администрация не пыталась решать эту проблему. С увеличением численности енисейского гарнизона [2. С. 68–74] росло и число служилых людей, отправляемых на Лену. Но при этом стремительно расширялась и ясачная территория Енисейского уезда. Тем более что отряды енисейских служилых людей отправлялись в качестве годовальщиков все-таки в Якутский острог, хотя оттуда и расходились по всему северо-востоку Азии. Однако Ленский волок и относительно близкие к нему районы с достаточно малочисленным тунгусским населением оставались для служилых людей транзитными, что накапливало существующие проблемы.

Вероятно, по этой причине, когда по Восточной Сибири распространился слух о создании на Лене нового разряда и назначении воевод П. П. Головина и М. Б. Глебова, заинтересованные лица поспешили проинформировать их о проблемах, существующих в районе Ленского волока. Еще в мае 1640 г., когда первые якутские воеводы находились в Енисейском остроге и только готовили людей своего отряда к отправке вверх по Ангаре, промышленный человек Нестерко Балин от лица бывших на Ленском волоке сорока торговых и промышленных людей подал им в съезжей избе челобитную на тунгусов разных родов¹. Изложенные в челобитной жалобы достаточно красноречиво демонстрировали ситуацию, сложившуюся на территории, подконтрольной Ленскому волоку в последние месяцы.

Как говорилось в поданной челобитной, 23 сентября 1639 г. тунгусы-кинтегиры «Яконовы дети с родом» повыше Витима убили торгового человека князя Юрия Яншеевича Сулешева – крестьянина Демида Пахомова Муромца, не дали ему с покручениками поставить зимовье². 23 февраля 1640 г. на Лене выше р. Киренги шамагиры Бакшенгина и Карадова родов и с ними с Нижней Тунгуски мучугиры князца Гушко «пограбили» 17 промышленных людей торгового человека Мишки Березовского: хлебные запасы,

товары и «всякий промышленный завод отняли и из лесу выгнали, промышленять не дали»³. 29 февраля в устье р. Тиреи (вероятно, речь идет о р. Большая Тира, левом притоке Лены выше Киренги. – Здесь и далее в круглых скобках примечания автора) кутские тунгусы Мокшеива Ечуки с родом пограбили 14 человек промышленных людей – Фильку Сысолетина «с товарищи», причем «пограбя, из лесу выгнали, и промышленять не дали»⁴. 15 марта в устье р. Куримы (вероятно, р. Якурим, левый приток Лены ниже устья р. Куты) они же, Мокшей и Еченя, пограбили 9 человек промышленных людей – Петрушку Устьвымитина «с товарищи», выгнали их из лесу и промышленять не дали⁵. В том же 1640 г. в верховьях Илеме на р. Коченге на рыбной ловле тунгус Мукия с родом «пограбили» 16 промышленных людей Ивашки Худякова⁶. На правом берегу Лены ситуация была не лучше: челобитчики жаловались, что за Леной на соболином промысле тунгусский князец Звероул со своим родом, промышленных людей пограбив, также «выгнал из лесу и промышленять не дал»⁷. Год спустя Звероул кочевал со своим родом по р. Туруке, левому притоку Лены чуть выше Куты, что отнюдь не ограничивает его территорию. Известно, что сородичи Звероула жили вверх по Лене рядом с бурятами [7. С. 279]. Двумя годами ранее, в 1638 г. на Лене повыше Витима кинтегиры князца Пловунчи убили промышленных людей, покручеников Андрея Оскольскова, да «ватащика» Микитки Саматреня, а «четвертого настреляли». Торговые люди жаловались воеводам, что в результате этого они обнищали и от всяких промыслов отбили⁸.

Понимая остроту проблемы, воеводы П. Головин и М. Глебов решили собрать дополнительные сведения о том, что происходит на Лене, и изучить имевшуюся в Енисейском остроге документацию. По их указанию 24 мая 1640 г. в приказной избе были сделаны выписки из отписок атамана Осипа Галкина и челобитных торговых и промышленных людей.

Полученная в результате изучения документации картина вполне соответствовала

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

¹ СПбФ ИРИ РАН. Ф. 160. № 15. Л. 2 – 3.

² Там же. Л. 3.

тому, о чем писали в своей челобитной торговые и промышленные люди. В отписке атамана Осипа Галкина лучшими князцами в устье р. Илим названы Нетуйко и Ньюкейко. Князцы эти платят ясак с себя и со своих улусных людей, но «не со многих», детей своих называют яржными, «что у них жен нет», и тем самым регулярно недоплачивают государев ясак. При этом оба тунгусских лидера постоянно доставляют неприятности русским служилым, торговым и промышленным людям. Так, в Усть-Илимском зимовье стреляют в служилых «окнами», изпод зимовья карбас увели. Обращает О. Галкин внимание на численность людей этих князцов: «...много их от Аплинского порогу и вверх по (Верхней) Тунгуске все их люди». Учитывая, что эти тунгусы «люди самовольные», атаман считает, что «впредь с ними без аманатов быть не возможно»⁹. В подтверждение этого мнения в 1640 г., когда атаман О. Галкин, направляясь в Якутский острог, перешел с основной частью своих людей по волоку на р. Муку (левый приток р. Купы, впадающей, в свою очередь, в Куту), на илимскую сторону, где оставались «невеликие» люди, пришли тунгусы, которые устроили погром: «...у избы окна повыбили и у амбаров двери повыломали»¹⁰.

За волоком ситуация была не лучше: согласно той же отписке, тунгусы с верховьев Лены, Илима и Киренги «сходятся» на устье Куты «у соли» (речь идет о месте добычи соли [9. С. 86]). При этом они воруют государевы снасти, а суда уводят, жгут и «секут», а торговых и промышленных людей грабят и «побивают». Приводит О. Галкин и конкретные факты недружественных действий тунгусов. Так, «...в 147-м году у соли дощаники посекали, а якори и парусы повозили»¹¹. Осенью 1638 г. в устье Куты из Ленского острога пришел енисейский сын боярский Петр Бекетов на двух больших судах, где была соболиная казна, а в третьем привез парус и всякую судовую снасть, которую оставил на устье Куты. Весной следующего года тунгусы всю эту снасть сожгли¹². В 1639 г. енисейского пятидесятника Семейку Чурку на р. Камге (близка по созвучию р. Хамре, левый приток Лены ни-

же Витима, но достаточно далеко от мест основного проживания князца Пинеги – более 600 км; логичнее предположить, что это небольшая речушка впадает в Лену на участке выше Куты – ниже Киренги) ограбили тунгусы Пинега «с родниками своими», обитавшие «около Иги (правый приток Лены выше Куты) и около Хенги (вероятно, р. Ханда, левый приток Киренги в ее верховьях). В 1640 г. служилый человек Грязка Иванов видел у этих тунгусов «те парусы в выдирках» (т. е. рваные куски парусины). В 1640 г. «у соли» сожгли оставленные служилыми людьми паруса тунгусы Петелка и брат его Чумелка, «а живут они на Лене около Куты реки»¹³.

Практически все обнаруженные в архиве енисейской воеводской избы отписки о ситуации на Ленском волоке и в приленской тайге свидетельствуют о достаточно сложных отношениях русских людей с местным населением. «Да вверх Лены тунгусы училились силны и ясаку с себя и своих улусных людей не платили», – говорилось о ситуации выше устья Куты. В верховьях Илима и на Киренге платил ясак только тунгусский князец Мукиня, «а иные не платили»¹⁴. «Да те же тунгусы ослушники с верх Лены и с Киренги и с верх Илима сходятца в место на усть Куты реки ... у соли воруют: государевы снасти жгут и увозят и суды секут и торговых и промышленных людей грабят и побивают ... у соли государевы дощаники присекли и якори и парусы повозили ... на устье Куты государевы два дощаника с запасными судовыми снастями три паруса ... и всякие снасти судовые весною воровские тунгусы ту государеву снасть всю прижгли ... на илимской стороне тунгусы приходили не на великих людей и у избы окна повыбили, а у онбаров двери повыломали», – повторяли перечисленные в отписках проблемы «выписки», сделанные для якутских воевод¹⁵.

Челобитные торговых и промышленных людей, имевшиеся в архиве енисейской приказной избы, были более конкретными. Бил челом на тунгусов Елизарко Тимофеев, приказчик гостя Надея Светешникова: «Хиндигири Яконовы дети с родом своим повыше Витима убили торгового человека князя Василья Еншеевича Шулешева крестьянина Демитка Пахомова». «Да на той же

⁹ СПбФ ИРИ РАН. Ф. 160. № 1. Л. 868–869; № 15. Л. 1.

¹⁰ Там же. № 15. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1–2.

¹³ Там же. Л. 27.

¹⁴ Там же. № 1. Л. 868 – 869.

¹⁵ Там же. Л. 870.

Лене повыше Киренги, – продолжал Е. Тимофеев, – те ж тунгусские люди шамагири Бакшенгина да Каровова, да с ними ж вместе с Нижние Тунгуски мучюгири Гушкова Билчуга своим родом пограбили торгового человека Мишки Березовского промышленных семнатцать человек: хлебные запасы и товары всякой промышленной завод все пограбили и пограбеж их из лесу выгнали, и промышлять не дали». То же самое происходило в устье Тиры (левый приток Лены в 120–140 км ниже устья Куты): «...тунгусы Мокшей да Чений с роды своими пограбили промышленных Фильку Сысолетина с товарищи 14 человек». Вскоре они же пограбили промышленных людей Петрушку Вымитина «с товарищи»¹⁶.

Подобное происходило и в других районах, где должны были собирать ясак направляемые с Ленского волока служилые люди. «На верх Илима на Коченге реке на рыбной ловле пограбили промышленного человека Ивана Худякова с товарищи 16 человек, и промышлять рыбы не дали. Грабил Мукия с родом своим, – свидетельствовали челобитные. – На соболином промыслу за Леною рекою Свероул (Звероул [6]) с родом своим из лесу выгнал, и промышлять не дал, одва убежали ... на Лене реке повыше Витима те ж кинтегири пловучи убили промышленных людей Ондрюшки Осколкова покручников». Самым неприятным для воевод П. Головина и М. Глебова было то, что тунгусы вполне осознавали собственную безнаказанность и неспособность русской администрации каким-либо радикальным образом повлиять на ситуацию. Как говорилось в одной из челобитных, «...похвалялись тунгусы: много де мы русских людей убивали и грабили, и по се время на нас ни что не бывало, да и впредь де мы не блюдемся вас»¹⁷.

Когда якутские воеводы в конце лета 1640 г. добрались до Ленского волока, где со своим отрядом остановились на зимовку, торговые и промышленные люди вновь начали подавать им челобитные, содержание которых достаточно красноречиво свидетельствовало о том, что подчинение этой территории власти енисейской администрации было весьма условным.

Челобитчики сообщали воеводам о целой серии убийств и о грабежах тунгусами русских людей за пятнадцатилетний период.

В 1624 г. в верховьях Нижней Тунгуски шамагиры князца Бакшенги «побили» промышленных людей – Ивашка Золина «с товарищи 8 человек» и Сидорка Видяникова «с товарищи 10 человек». (Эти сведения подтверждают существовавшую в историографии точку зрения о том, что через Нижнюю Тунгуску русские промышленники начали проникать в Якутию в начале 20-х гг. XVII в. [9. С. 46]. Однако из челобитных не следует, что их проникновение шло через Мангазею.) В 1628 г. «Бакшенгины родники» в тех же местах «побили» еще 8 человек – Владимирка Шишку «с товарищи». В 1631 г. в тайге «за Леной» они «побили» 6 человек, в том же году, в зимний период, поднявшись вверх по Киренге на четыре дня пути, перебили ватагу промышленных людей численностью в 8 человек, а вернувшись с Лены на Тунгуску, убили еще двоих – Онфимка Пенеженина «с товарищи». В 1637 г. шамагиры «побили» на Лене промышленного человека Андрея Осколкова «с товарищи трех человек», а сам Бакшенга со своими людьми «пограбил» у торгового человека Завьялка Семенова покручников: «ваташика» Семейку Колмогорца «с товарищи 9 человек» – «всякие заводы поимали». В том же году на Витиме зять Бакшенги убил 8 человек енисейских служилых людей – Олеську Архипова «с товарищи». В 1638 г. в верховьях Нижней Тунгуски шамагиры Бакшенги убили еще двух человек. В 1639 г. убили торгового человека Демида Пахомова Муромца. В 1640 г. на Лене Бакшенга ограбил трех промышленных людей уже упоминавшегося Завьяла Семенова¹⁸.

1 сентября 1640 г. П. Головину и М. Глебову подали там же, на волоке, челобитную от имени тридцати трех торговых и промышленных людей¹⁹. В челобитной говорилось, что ясачные и неясачные тунгусы и якуты их «побивают, и всякие промышленные запасы у покручников отнимают и всякие промышленные заводы грабят и зимовья ... жгут по вся годы». В верховьях Лены, выше устья Куты, то же самое делали шамагирские тунгусы Чалбан, Звероул и Бакшенга с братьями – «...русских людей побили сорок четыре человека», вниз по Лене тунгусы «...поубили многих русских людей», на Вилюе за три последних года тунгусами убито семьдесят человек, а на

¹⁶ СПбФ ИРИ РАН. Ф. 160. № 1. Л. 871.

¹⁷ Там же. Л. 872.

¹⁸ Там же. Л. 875–876; № 15. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 6.

Алдане только в 148 г. (1639/1640 г.) тунгусы убили 26 человек. Многие торговые и промышленные люди в это время сидели подолгу в осаде в зимовьях, прячась от нападавших тунгусов. В результате такой агрессивности со стороны аборигенов русские торговые и промышленные люди стали опасаться выходить в тайгу для пушного промысла. Челобитчики, жалуясь на тунгусов, нанесли им серьезный материальный ущерб, указывали и на урон, который несет казна: из-за остановки промысла «чинятся» убытки, в том числе в десятой пошлине²⁰.

В тот же день, 1 сентября, воеводам еще одну челобитную подали из разных городов торговые и промышленные люди гостя Надея Светешникова, приказчик «с товарищи 44 человека». Как и другие русские люди, они жаловались на тунгусов и якутов, которые живут на Лене, Вилюе, Алдане и Олекме, их «всякие промышленные заводы грабят», хлебные запасы покручеников отнимают, зимовья жгут. В качестве обвиняемых вновь упоминались уже известные тунгусские князцы: «С верх Лены реки шамагирские тунгусы Чабан да Звероул, да Бакшенга з братьями русских людей побили сорок четыре человека, а вниз по Лене побили русских многих людей». На Вилюе русских людей «в три года» побили 70 человек. В 148 г. «побили» на Алдане русских людей 26 человек²¹. Подобного же содержания челобитная была подана воеводам 11 сентября 1640 г.²²

Даже появление на Ленском волоке многочисленного отряда якутских воевод не снизило агрессивность тунгусов: в 1641 г., когда П. Головин и М. Глебов все еще находились в Илимском остроге, шамагиры из рода Бакшенги с группой икогириков ограбили на Киренге в пяти днях пути от ее устья двух промышленных людей вымичей. В том же году те же тунгусы на Лене «пониже Таюры» еще раз ограбили промышленных людей [7. С. 278].

Таким образом, картина взаимоотношений русских служилых, торговых и промышленных людей с аборигенным населением обширной территории от устья Илима до устья Олекмы была удручающей. Тунгусов не останавливали ни растущая численность прибывавших на Лену промышлен-

ных людей, ни появление на Ленском волоке большого гарнизона.

В то же время и со стороны тунгусов к воеводам стали поступать жалобы на действия русских людей. 24 августа 1640 г. на Ленский волок прибыл сын боярский П. Ходырев, возвращавшийся в Енисейск после годовой службы в Якутском остроге. Он привел к П. Головину и М. Глебову так часто упоминавшегося в челобитных шамагирского князца Бакшенгу. Как пояснил П. Ходырев, «взял» он его еще во время следования в Якутск в 1639 г. по причине того, что Бакшенга платил мало ясака («по полтретья сорока (соболей)») и напал на русских. «А как де, государь, он, Парфен, взял иво, Бакшенгу, и он де, Бакшенга, дал ясаку тебе, государю, на 148-й год шесть сороков соболей», – так объяснил свои действия П. Ходырев²³. Однако уже 27 августа челобитную подали сам Бакшенга и его брат, изложив свою версию событий. Согласно ей, в 1639 г., когда Бакшенга пришел с ясаком к П. Ходыреву, последний, взяв ясак, обвинил князца в том, что тот в 1637 г., во время предыдущего пребывания П. Ходырева в Якутском острожке, «подговорил» и «свел» двух якутских ясырей – пленников. Бакшенга отверг обвинение, заявив, что «никаких ясырей не сваживал». Ходырев, тем не менее, арестовал князца и, «посадив» «в железа», занялся вымогательством – стал просить у него «восемь бобров добрых». Бакшенга платить отказался, сославшись на то, что после уплаты ясака у него не осталось пушнины. Тогда Ходырев велел братьям Бакшенги принести еще большее количество пушнины – «сорок соболей черных добрых да восемь бобров». Но и братья пушнину не привезли. За такое непослушание сын боярский увез Бакшенгу в Якутский острог, где, со слов князца, мучил его в течение года, держа «в железах» и в тюрьме. Из тюрьмы караульщики водили князца по дрова в лес, где он оставался на какое-то время для выполнения работы. Узнав (а скорее всего, зная) об этом, П. Ходырев обвинил князца в попытке побега («бутто де он, Бакшенга, бегал») и велел бить его кнутом «круг острогу и на козле»²⁴.

Выдвинутые обвинения в убийстве русских людей Бакшенга отрицал, стремясь переложить вину на других тунгусов. Так, он сообщил, что, когда в 1638 г. из-под Лен-

²⁰ СПбФ ИРИ РАН. Ф. 160. № 15. Л. 7–10, 12–13.

²¹ Там же. № 1. Л. 873 – 874.

²² Там же. Л. 979.

²³ Там же. Л. 977.

²⁴ Там же. Л. 977 – 978.

ского волока плыли покрученики торгового человека Андрея Осколкова, трех из них «кидигирские мужики Дочиней з братьями убил». Он также поведал о других действиях Дочиней, опасаясь, видимо, что обвинять будут его: «Да тот ж Доченей з братьями обманом зазвали к себе в юрты служилаво человека Алексея Архипова с товарищи, да с ним семь человек промышленных людей на сторонной реке на Мами (р. Мама – левый приток Витима в 160 – 180 км от его впадения в Лену). Да тот же Доченей приходит на великую реку Лену, сторонние реки с родом своим вороет: служилых и торговых и промышленных людей и покручеников побивает и в этом бы воровстве ему Бакшенге в конец не погнунуть»²⁵.

П. Головин и М. Глебов сочли необходимым провести очную ставку обоих челобитчиков – Ходырева и Бакшенги. Во время очной ставки в съезжей избе в острожке на Ленском волоке в присутствии воевод П. Головина, М. Глебова, дьяка Е. Филатова и некоторых других лиц Ходырев сказал, что он действительно велел бить Бакшенгу кнутом за побег из Якутского острога, но соболей и бобров у него «не прашивал и ничево не имывал», ясырь же, о котором упоминал Бакшенга, у него действительно пропал²⁶.

Удалось или нет примирить противоборствующие стороны, и к какому решению пришли воеводы – не известно. Но сложившаяся ситуация не удовлетворила тунгусского князца. 2 сентября 1640 г. «шамагирцы Чечуйских волостей князцы Бакшенга и Нырымко Елимывы дети» там же, на Ленском волоке, подали воеводам новую челобитную. В ней князцы сообщали, что в прошлые годы Бакшенга «сидел» два года в аманатах на Нижней Тунгуске на Катанге (верховье Подкаменной Тунгуски), и ясак они тогда платили на р. Таз (в Мангазею) и на Лену енисейским служилым людям. Затем он, Бакшенга, «посадил» вместо себя в аманаты своего брата Нарымка, который просидел на Катанге пять лет. Ясак же при этом в течение четырех лет они, Бакшенга со своим родом, платили енисейским служилым людям. В 1637/1638 г. Бакшенга зимовал в устье Ичеры и только по этой причине осенью ясак не заплатил, поскольку ясачные сборщики к ним не приходили «за далеко». Весной 1639 г., когда П. Ходырев плыл в Якутский острог, Бакшенга заплатил

ему ясак в устье Чечуя (правый приток Лены ниже Киренги) со всего рода по окладу в пять соболей с человека. Но, не смотря на продемонстрированную князцом лояльность, его «тот Парфен ... поимал и в железа посадил». Далее в челобитной князец вновь завел речь о том, что Ходырев спрашивал у него о двух якутках (упомянутые в вышеприведенных челобитных ясыри), которые были у промышленявших в тех местах промышленных людей, и вымогал у него сорок соболей²⁷. В качестве подтверждения своей лояльности Бакшенга указал на то, что незадолго до встречи с Ходыревым он помог енисейскому пятидесятнику Семейке Исаеву Серебрянику, возвращавшемуся из Олекминского острожка с годовой службы, «привести» в государев ясачный платеж неясачного тунгуса-иноплеменника – «...поймать на дороге край великой реки Лены ... кидигирского мужика и с того ... мужика и с роду его ... ясаку не было и не давали», а в прошлом году (1639/1640 г.) взяли с него в Олекминском острожке пятьдесят соболей²⁸. Кроме того, Бакшенга заверил, что и в настоящее время он ведет себя вполне добропорядочно, помогая ясачным сборщикам – государю радеет «и непослушных тунгусов, свою братью, под ... государеву цареву руку» призывает и сыскивает «с служилыми людми, которые наш братья тебе государю ясаку не дают»²⁹. Однако демонстрация лояльности не избавила князца от проблем во взаимоотношениях с русскими. Кроме возникшей конфликтной ситуации с Ходыревым, Бакшенга перечислил в челобитной и другие неприятные для него моменты. Так, в предыдущие годы им были поставлены пять лабазов на р. Бырыли, ниже Киренги. В этих лабазах хранились зимняя одежда, обувь, «постели», чумовые ровдуги, две волчьи шкуры и весь зимний запас: вяленое мясо и рыбная порса. Все это имущество было пограблено неизвестными русскими людьми. Оставшись без запасов на зиму, Бакшенга со своими людьми обнищал, «одолжал», оленей своих проел и пушнину для уплаты ясака теперь вынужден покупать у «своей братьи» дорогою ценою, так как промышлять им не в чем: «ноги и босы»³⁰. Данное обстоятельство – проел оленей – для тунгусов являлось показателем

²⁷ Там же. № 15. Л. 16.

²⁸ Там же. Л. 17.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

²⁵ СПбФ ИРИ РАН. Ф. 160. № 1. Л. 877.

²⁶ Там же. Л. 978.

крайней степени нужды, голода на грани смерти [13. С. 13, 14].

Другой описанный Бакшенгой в челобитной случай заключался в следующем. В том же 1639/1640 г. он отправился охотиться на оленя или лося в приленскую тайгу «на край Лены реки». Охота оказалась удачной – князец убил лося. Но воспользоваться своей добычей он не успел, ее отняли проходившие мимо промышленные люди. Когда же Бакшенга показал им выданную ясачными сборщиками «отпись» об уплате ясака, которая, видимо, должна была продемонстрировать его добропорядочность и лояльность русским, те ее отобрали и бросили в воду. Таких действий Бакшенга от промышленных людей не ожидал. Возможно, он сам пошел на контакт с ними, так как ясачные сборщики не предупреждали его о необходимости скрываться от других русских людей. «И мне, сироте твоему, не велели беречься служилых и промышленных людей», – жаловался тунгусский князец в челобитной³¹.

Надо полагать, что такие действия со стороны русских людей не были единичными, в частности, позднее, в 1641 г. другие шамагиры рода Бакшенги жаловались на служилых людей, которые по пути в Якутский острог грабили их имущество: только у одного тунгуса они забрали 12 кузовов запаса порсы и сараны, ровдугу с юрты, шесть зимних пимов, шесть шуб, женский нагрудник с оловом и одекуем и др. [7. С. 278].

Выше уже говорилось, что ряд обвинений в свой адрес Бакшенга переадресовал на князца соседнего тунгусского племени Дочиней. Другие случаи убийства русских людей тунгусами Бакшенга также попытался переложить на соседнего князца: тот же Дочиней приходит на Лену сторонними реками с родом своим «воровски» и служилых, промышленных и торговых людей «побивает», а его, Бакшенгу, они потом в этих убийствах обвиняют. «А тот Дочиней не нашего роду», – пытается в заключение своей отписки дистанцироваться от Дочиней Бакшенга и просит провести сыск³².

Изложенный выше материал позволяет высказать ряд соображений. Сложившаяся в рассматриваемом районе Сибири ситуация, на наш взгляд, была вызвана комплексом причин. Во-первых, действия торговых и промышленных людей, которые, в погоне за

пушным зверем, с начала 20-х гг. XVII в. буквально наводнили илимскую и верхоленскую тайгу и осуществляли хищнический отлов соболя, могли рассматриваться тунгусами не иначе, как посягательство пришельцев на их родовые угодья, вызывая при этом соответствующую негативную реакцию: нападая на промышленных людей, тунгусы достаточно часто стремились просто изгнать их со своей территории. Во-вторых, для тунгусов, переживавших в своем общественном развитии так называемый «героический период», когда каждый мужчина являлся воином и свой социальный статус должен был получать или подтверждать воинскими подвигами, нападение на пришельцев как раз являлось способом добиться определенного положения в своей родовой группе, а последней, в свою очередь, получить определенный «имидж», «авторитет» среди родственных тунгусских групп и соседей. В-третьих, в ряде случаев, будучи ограбленными другими тунгусами или теми же промышленными и служилыми людьми, аборигены были вынуждены таким же способом решать проблему элементарного выживания своей родовой группы в условиях сибирской зимы.

Произвол, который, как можно судить по источникам, в течение двух десятилетий нередко совершали по отношению к тунгусам торговые и промышленные люди, по нашему мнению, определялся особенностями социальной среды. Жажда наживы влекла в Сибирь многочисленных представителей деклассированных слоев общества; из их числа нередко и набирались покручники. Конфликты же между тунгусами и служилыми людьми в 20–30-е гг. XVII в. на рассматриваемой территории происходили гораздо реже, чем между тунгусами и промысловиками, и касались в основном сбора ясака.

Список литературы

1. Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.
2. Бродников А. А. Енисейск в XVII веке. Очерки из истории города и уезда. Красноярск, 1994.
3. Бродников А. А. Отписка П. Головина и М. Глебова из Тобольска в Сибирский приказ (к вопросу об образовании Якутского воеводства) // Социально-политические проблемы истории Сибири. Новосибирск, 1994.

³¹ СПбФ ИРИ РАН. Ф. 160. № 15. Л. 18.

³² Там же. Л. 18 – 19.

4. Бродников А. А. Пребывание отряда П. Головина и М. Глебова в Енисейске: к вопросу об образовании Якутского воеводства // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1996.

5. Бродников А. А. Территория Якутского уезда: к вопросу об образовании Якутского воеводства // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1998.

6. Бродников А. А. Побег Звероула (из истории русско-тунгусских отношений на Илимском волоке) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2001.

7. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

8. Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999.

9. История Сибири. Л., 1968. Т. 2.

10. Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965.

11. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.

12. Степанов Н. Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973.

13. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.

Материал поступил в редколлегию 17.09.2006